

Как же я был слеп!

Кто бы мог подумать, что целых три года пролетят как один день. Даже когда произносишь это вслух, кажется, что это очень много времени, но когда ты счастлив, ты не замечаешь его скротечность. Кажется, оно останавливается, его нет, но оно никуда не пропадает, продолжая свой путь. Порой даже задумываешься, что это некий вселенский заговор — чем ты счастливее, тем быстрее идет время. Вот бы его остановить, насладиться каждой секундой, но нет, оно начинает спешить, куда-то опаздывать.

Вот и со мной произошло нечто подобное. Прошло больше трех лет, как мы сблизились с Леной. Скажи мне кто-нибудь лет в 18, что я полюблю свою соседку, которая старше меня в два раза, я бы рассмеялся ему в лицо. Это ведь неприемлемо, общество никогда этого не примет, да и будущего у таких отношений нет. Как бы ты сам не относился ко всему этому, люди все равно не дадут тебе спуску, постоянно тыкая в тебя пальцем. Придется скрываться, врать своим знакомым и близким, а если твоя соседка еще и замужем, так подобная любовь принесет еще больше боли.

Мы с Леной зашли очень далеко. Виктор так и продолжал ездить в командировки, и все свое свободное время я проводил у Лены, либо она приходила ко мне. Наши отношения начались с некой интрижки, но превратились в прекрасное подобие семейной жизни, без скандалов и ссор. Мы обсуждали насущные проблемы, делились своими переживаниями, и жили, привнося в жизнь каждого из нас что-то новое.

Мои родители и друзья постоянно спрашивали меня, почему я не ищу свою спутницу жизни. Мне так и хотелось им сказать, что я ее уже нашел, но мне нельзя было этого делать, да я и сам не верил в правдивость этих слов. Какая к черту спутница жизни, если мы никогда не сможем по-настоящему быть вместе. Мы даже поделиться этим ни с кем не можем. Во первых — Лена замужем, а во вторых — примут ли нашу разницу в возрасте? Друзья бы меня не поняли, а родителям я бы просто разбил сердце подобным откровением. Лучше вообще ничего не говорить. Единственная, с кем я мог этим поделиться, и то не до конца — моя сестра. Она поняла, что в моей жизни произошли какие-то изменения, сразу, как только меня увидела. Однажды, она приехала ко мне и посмотрела в мои счастливые глаза.

— Давай, колись, у тебя ведь кто-то есть?

Я не хотел ей лгать, но и правду рассказать не мог. Всю мою жизнь она меня поддерживала, любое мое решение, было ли оно глупым или разумным. Она всегда предлагала мне попробовать, но перед этим размыслить над последствиями. Как она говорила — «Не сожалей о содеянном, ты уже это сделал, пути назад нет. Лучше перед тем как что-то сделать, подумай об этом дважды, ведь если ты ошибешься, будешь знать, что твое решение было обдуманным». Я не могу сказать, что подумал о последствиях, когда понес Лену на руках и усадил ее на кухонный стол, но, я никогда об этом не сожалел, разве что не мог ни с кем поделиться своим счастьем.

— Угу, — я отвел взгляд в сторону и смущился как школьник, рассказывающий о симпатии к своей однокласснице.

— И кто она? — сестра улыбнулась.

Мне очень хотелось ей все рассказать, но я не мог этого сделать. Я просто опустил свой взгляд,

загрустив. Моя грусть заключалась не только в невозможности выговориться, но и в том, что Лена никогда бы не смогла стать моей. С самого первого дня я понял, что она будет уходить к своей семье, к мужу, и я не могу ничего с этим поделать. И не только не могу, но и не хочу. Я не хотел стать яблоком раздора, не хотел сломать несколько жизней.

— Ну, не хочешь — не говори, но знай, я вижу, что что-то не так. Может быть, я смогу тебе помочь, а может быть нет, но ты всегда можешь со мной поделиться своими переживаниями. В любую минуту, только позвони, и я тебя выслушаю.

И тут нахлынул ураган. Я рассказал ей все, разве что, не упоминая возраст Лены, что она была моей соседкой, и что у нее было двое детей. Я доверял своей сестре, и знал — она не станет меня осуждать, но решил кое-что оставить за кадром, чтобы не смущать ее. Я даже не понял, что послужило посылом моей откровенности. Моя сестра умела зацепить за живое, и вот ты уже раскрыл ей свою душу. У нее был дар убеждения, благо, она не пользовалась им в дурных целях.

— Мда, затянуло же тебя.

— Она никогда не уйдет от мужа, — я словно не слышал сестру. Я погрузился в свои мысли, и пытался найти хоть какой-нибудь выход из этой ситуации.

— Знаешь, я могу тебе кое-что сказать. Тебе это не понравится, но ты должен это знать. Отпусти ее. Да, это будет тяжело, но с каждым днем будет только хуже. Лучше рывком оторвать пластырь, чем тянуть за него несколько часов. Скажу честно, я не одобряю твое решение встречаться с замужней девушкой, но это не мое дело. Если ты хочешь быть с ней, то борись за эти отношения, но если ты уверен, что она никогда не будет с тобой, то просто смирись с этим. Если вы будете встречаться у всех за спиной, ни к чему хорошему это не приведет. С каждым днем будет только хуже, как тебе, так и ей. Вы будете счастливы, но это счастье будет мимолетным, и принесет намного больше боли, если вы затянете с расставанием. А расставание будет, в таких отношениях без него никак. Просто смирись с этим и отпусти ее.

Моя сестра — умная девушка, но, конечно же, я ее не послушал.

...

Утро начинается не с кофе, вот и у меня был другой кофеин. У Лены был какой-то пунктик на оральном сексе. Она не хотела, чтобы я делал ей куннилингус. Я не скажу, что я профи в этом деле, но мне хотелось доставить ей удовольствие, а Лена всегда пресекала мои попытки. Пару раз я настаивал, и я знаю, Лене это нравилось, но почему-то, она не хотела этого. Что ж, раз не хочешь, то я не буду этого делать, и я оставил все свои попытки.

Но, пунктик был лишь для себя. Впервые сделав мне минет в душе, Лена втянулась, по уши. Как говорится, хлебом не корми, дай только... хммм. Я так и не узнал, где она так искусно этому научилась. Я об этом больше не спрашивал, и Лена не говорила. Она лишь делала. Проснувшись утром и приняв водные процедуры, Лена ставила чайник и обнажалась. Она знала, мне нравится ее обнаженное тело, ее формы, изгибы. Лена меня жутко возбуждала. Так же, она знала, что мне нравится закрытое нижнее белье, и Лена не упускала возможности предстать предо мной в трусиках и лифчике. Ей стоило только скинуть с себя халат или платье, как я уже был готов к действиям. Она брала меня за руку, вела в зал, и аккуратно подталкивала на диван. Потом садилась на меня сверху, целовала в губы, вытягивалась, и прижималась к моему лицу грудью в бюстгальтере. Я осторожно касался ее ягодиц, сжимал, и притягивал ее к себе. В этот момент, Лена всегда по-девичьи хихикала. Она знала, как мне все

это нравиться, и сама от этого заводилась. Потом Лена медленно сползала на пол, проводила рукой по моему телу и останавливалась на моем пахе. Это уже стало неким обрядом. Порой, действия немного отличались, но различия были небольшие. Лена сжимала мой пах рукой, улыбалась, и стягивала с меня штаны вместе с трусами. Аккуратно обхватив мой член рукой, она нежно двигала вниз-вверх, наблюдая за моей реакцией. Все так же пристально глядя в мои глаза, она наклонялась головой к моему члену, и спустя мгновение, я чувствовал ее губки на своей головке. И тут начиналось какое-то безумие. Лена не делала этого медленно, она словно боялась, что если чуть притормозит, я могу исчезнуть. Она быстро двигала своей головой, то и дело открывая свой рот, пропуская мой член себе в горло. Вновь быстро двигает головой, и вот я опять проникаю в ее горло. Ее губки касались основания моего члена, Лена несколько раз погружала мой член в горло, а потом отстранялась, вдыхая воздух и двигая своей рукой. Больше пары минут такой пытки я не выдерживал. У нас с Леной была негласная договоренность, как все это должно было закончиться. Когда она делала мне минет во второй раз, это было уже в спальне, я попытался отстраниться. Лена лишь перестала двигать головой, шевеля языком у основания моей головки. Я начал изливаться ей в рот, а Лена продолжала шевелить языком. В эти моменты, я извивался как уж на сковородке. Меня всего дергало, тряслось, по всему телу пробегали мурашки, а в сознании появлялась яркая вспышка, которая не хотела затухать. В другие моменты, когда Лена была полностью обнаженной, она направляла мой член себе на грудь и смотрела мне в глаза. Я никогда не забуду этот взгляд! Пока моя сперма размазывалась по ее телу, по ее обнаженной груди, Лена пристально смотрела мне в глаза, словно желая выжать из меня все соки. После этого, либо с полным ртом спермы, либо с перепачканной грудью, она отправлялась в душ, оставляя меня одного. И тогда, разлука казалась еще более невыносимой.

...

Когда Лене исполнилось 50, само собой разумеется, я был приглашен на юбилей. Но не Леной, а Виктором. Меня всегда удивляло, насколько некоторые люди легкомысленны. Лена понимала, что мне там делать нечего. И дело не в том, что мы с ней спали, а в том, что я там буду не в своей тарелке. Приедут родственники, придут друзья. Всем им придется объясняться, кто я такой, и почему Виктор с Леной вообще ведут со мной дружбу. Я знал ответ на этот вопрос, они тоже, вот только никто другой не смог бы этого понять. Лена знала, что я все это осознаю, но чтобы меня не обидеть, рассказала о предстоящем празднике и пригласила меня. Я сказал, что я там буду лишний, и она кивнула. Почти с самого первого дня нашего близкого знакомства мы начали понимать друг друга без слов, но Виктор — это отдельный разговор. Я знаю, он не хотел сделать ничего плохого, даже наоборот, хотел как лучше. Но как он мог не понимать, что в моем обществе всем будет некомфортно, и особенно мне? Я вежливо отказался, сказав, что мне придется выйти на работу в свой выходной день. Обстоятельства так сложились, что мне даже врать не пришлось. Мне и вправду нужно было на работу, правда, всего на несколько часов.

Когда я вернулся домой, на несколько этажей гремело гуляние. Я, боясь столкнуться с Виктором, быстро прошмыгнул в свою квартиру, заметив на лестничной площадке несколько незнакомых людей. Наверное, какие-то друзья, или родственники. После работы, я заскочил с друзьями в бильярд, и надеялся, что к этому времени уже все разойдутся, но веселье было в самом разгаре. Спустя пару часов, музыка стихла, и я решил посмотреть какой-нибудь фильм. Через полчаса зазвенел звонок, я подошел к двери. Посмотрев в глазок, я увидел Лену,

озирающуюся по сторонам, и открыл дверь.

— Привет, — Лена запрыгнула в мою квартиру и за ее спиной защелкнулся дверной замок.

— Ты чего?

— Витя уснул, и я решила заглянуть к тебе на пару минут. Все разошлись, сын со своими поехали домой, дочь не смогла приехать, мне стало одиноко, и я захотела увидеть тебя. А праздник то удался! Ее глазки блестели и бегали.

Я оглядел Лену с ног до головы. На ней было шикарное черное платье почти до колен. Оно подчеркивало ее фигуру, ярко выражая стройную талию и обтягивая грудь и попу. Я раньше не видел этого платья, наверное, она было куплено специально для юбилея.

— Давай выпьем, — Лена подняла бутылку шампанского, которое я даже не заметил.

— Ну пойдем, — я улыбнулся, прошел на кухню и достал два бокала. — Как отметили?

— Нормально. Эх, вот и пятьдесят подкрались незаметно.

Да, а она действительно перебрала. Прежде, Лена никогда не упоминала свой возраст. Она старалась не затрагивать эту тему, обходя ее стороной.

— Ты все еще красива, не это ли главное?

— Ой, да ну тебя! Скажешь тоже, красивая! Вон, вся кожа скучожилась, — Лена скорчила странную гримасу, сведя брови вместе, как бы выражая и показывая мне свои морщинки.

— Так я тоже так могу, — я попытался повторить ее выражение лица.

Лена лишь махнула рукой.

— На, — она протянула мне открытую бутылку шампанского. Я налил шипящий напиток в бокал, и протянул его Лене. — Спасибо. Ну...

— Подожди, — я налил шампанское в свой бокал, поставил его на стол, а следом за ним поставил бутылку. — Я сейчас.

Я прошел в зал, открыл выдвижной ящик, и достал оттуда маленькую коробочку. Когда я вернулся на кухню, Лена смотрела на меня невинным взглядом. Она поняла, зачем я уходил, и все ее выражение лица говорило — «Ну зачем? Не нужно было».

— Это тебе, — я протянул ей коробочку.

— Саш, — мне показалось, что Лена проторзела в один момент. Уже не было хмельного взгляда, была лишь скромность и благодарность.

Лена открыла маленькую коробочку и достала оттуда серебряный кулон в форме ласточки, висящий на тоненькой цепочке. Я не знал, понравится ли ей, но я помнил ту трогательную историю. Когда Лена была маленькая, она проводила много времени у своей бабушки. В конюшне, где было много самых разных домашних зверушек, жили ласточки, которые каждое лето вили там гнезда, и спустя время, там вылуплялись птенцы. Лене нравилось наблюдать за этими изящными птицами, как они быстро проносились через весь двор, потом взмывали в небо, а по вечерам, в полной тишине, попискивали на бельевых веревках. Как они быстро влетали в конюшню, садились в свои гнездышки, и кормили своих маленьких деток. «Каждое лето я проводила с ласточками» — говорила мне Лена.

К ее глазам подступили слезы. Она сжала кулон в кулаке и прижала его к груди.

— Спасибо, — Лена улыбнулась и сжала кулак еще сильнее.

Я подошел к ней поближе, наклонился и поцеловал. Лена тяжело выдохнула и крепко прижала меня к себе, словно больше никогда не хотела меня отпускать.

— Ты помнишь, — сказала она еле слышно.

Я ничего не ответил. Порой, слова могут все испортить. Лучше насладится моментом,

никаких слов, полная тишина. Лена ослабила свои объятия, чуть отстранилась и посмотрела мне в глаза. В этот момент... Мы оба знала, что мы хотим сказать, но мы не могли. Если бы мы произнесли эти слова, они бы все изменили. Возможно, это было бы к лучшему, но ни она, ни я, на это не решились. Лена лишь прикрыла свои глаза и осторожно коснулась своими губами моих. Мне было неудобно стоять в таком положении, но ради этого поцелуя я был готов стоять на углях. Лена прервала поцелуй, улыбнулась, и встала. Она помотала головой из стороны в сторону, и ее пышные черные волосы отдающие синевой приобрели еще больший объем. Я никогда не забуду эти пряди, никогда не забуду эту улыбку. Лена коснулась пальчиками моего лица, стала опускаться ниже, скользнула по плечу, дальше, вниз по руке, и сжала мою ладонь. Очень медленно, походкой изящного лебедя, она сделала шаг назад, и повела меня за собой. Пустыня, морская бездна, врата ада — я был готов следовать за этой женщиной куда угодно. Она привела меня в зал и вновь поцеловала. Чтобы не потерять мой подарок, она надела этот кулон себе на шею. С того самого дня она никогда его не снимала. Хочется верить, что она до сих пор его носит.

Лена аккуратно ухватилась за мою футболку и потянула ее через голову. Я расстегнул молнию на ее платье, встал на одно колено, поцеловал Лену в живот, и медленно потянул платье вверх. Я видел ее обнаженное тело уже сотню раз, и каждый раз был как первый. Черные трусики и лифчик прикрывали ее интимные места, пряча от меня самое сокровенное. Лена ухватилась большими пальчиками за мои штаны, присела, и опустила их вниз вместе с нижним бельем. Мой возбужденный орган смотрел ей прямо в лицо. Лена посмотрела на меня снизу вверх, встала, и избавилась от своих трусииков, плавно перешагнув через них. Я прижался к ней своим телом, нежно ухватился за ее попу и приподнял. Лена обняла меня за шею, обхватила мою поясницу ногами, и посмотрела мне в глаза. В таком положении она оказалась чуть выше, и ее черные волосы спадали на мое лицо.

Лена потерлась своим носиком о мой и улыбнулась. Я развернулся спиной к дивану, присел, а Лена приняла удобное для нее положение. На протяжении 10 минут мы просто целовались, желая продлить этот момент навечно. Лена осторожно привстала, склонила голову, и я, в который раз, снова утонул в ее волосах. Она чуть придвигнулась ко мне, медленно опустилась, и чуть вильнув бедрами, позволила мне проникнуть в нее. Из ее уст вырвался едва слышный стон, и Лена, закрыв глаза, закинула голову назад. Она медленно опустилась вниз, потом посмотрела на меня, и улыбнулась. Я осторожно провел ноготками по ее спине и почувствовал, как по ее телу побежали мураски. Лена дотронулась своей рукой до моей щеки, и наши губы слились в страстном поцелуе, который, на этот раз, мы так и не посмели прервать.

...

Все самые страшные события приходят к нам неожиданно. В твоей жизни наступает настоящая идиллия, ты счастлив настолько, что можешь поделиться своим счастьем со всем миром, а потом все это отбирают в один момент. Вселенная смотрит на тебя своим большим глазом и думает, что ты живешь через-чур идеально, и тебя надо бы немного встряхнуть, чтобы ты ощущил все реалии этого мира.

Через несколько месяцев после юбилея Лены, Виктор в очередной раз пригласил меня на ужин. Он делал это каждые выходные, но я старался вежливо отказываться. Да и как тут не станешь отказываться, когда спишь с женой человека, который считает тебя своим лучшим другом. Но порой, я все же соглашался, уступая его напору. В такие моменты мне было

стыдно ему отказать. Я словно ощущал некий долг, который я был обязан ему отдать.

— Сань, у меня есть новость, — Виктор отпил глоток чая. Лена уже принялась мыть посуду. — Мы купили дом.

Дом? Какой дом? О чём это он?

Лена уронила тарелку в раковину, по всей кухне раздался грохот. Виктор посмотрел на свою жену и спросил, что случилось. После этого, я уже не слышал, о чём они говорят. Дом? Они что, переезжают? Дом? Где? Когда?

— Сань, ты чего? — Виктор удивленно смотрел на меня. Понятия не имею, как я выглядел со стороны, но думаю, я был похож на барахтающуюся рубку, которую выбросило на палубу корабля в шторм.

— Да нет, я просто задумался, — я проглотил ком застрявший в горле. — Вы купили дом? Где?

— я попытался выглядеть как можно спокойнее.

— Недалеко, примерно пятьдесят километров от города. Маленький тихий поселок. Ты бы видел, какая там красота! Природа, лес, и большой пруд. Там есть... — Виктор начал перечислять виды рыб, пока я пытался переварить всю эту информацию. — Мы не хотели говорить раньше, боялись сглазить. Мы детям то сказали пару недель назад, после того как приехали туда и все посмотрели. Ты бы его видел! Я специально согласился на эти командировки, чтобы подкопить деньжат. И вот, три года почти не появляясь дома, и наша мечта сбылась. Оно того стоило!

Туман, хаос, мрак.

— И когда переезжаете? — я хотел было показать, что я рад за них, но понял, моя улыбка будет смотреться слишком фальшиво.

— Где-то через месяц. Еще две недели мне нужно работать, а потом начнем потихоньку все перевозить и обустраиваться, — Виктор улыбался и был преисполнен радостного настроения. Оно и понятно, он переезжал из душного города в глубинку, в тихий дом, рядом с которым находился пруд, где водится карп, белый амур, и прочая херня, которую я в тот момент возненавидел.

— Поздравляю! — получилось как-то грубо, но Виктор, судя по всему, этого не заметил. Я посмотрел на Лену. Она стояла чуть поодаль и смотрела на меня. Едва я взглянул в её глаза, она сразу же отвернулась, продолжая мыть посуду.

— Отлично, да? Я всегда мечтал о своем доме.

— Угу. Да. Слушайте, мне наверное пора, ко мне друг должен прийти, мы с ним кое-куда собрались.

— Ты чего, уже уходишь? А я думал, мы выпьем немного, так сказать обмоем покупку, — Виктор широко улыбнулся. — Давай, хоть по стаканчику.

— Нет, извините, мне еще за руль сегодня. Правда, поздравляю вас, но мне пора идти, — стараясь не смотреть ни на Виктора, ни на Лену, я буквально выбежал из их квартиры.

...

Я не горжусь тем, что сделал в тот вечер. Позвонив близкому другу, я попросил не задавать лишних вопросов, и позвал его в бар. Все мои немногие друзья знали, что я очень редко пью, и если я кого-то зову в бар поздним вечером, значит, что-то случилось. Сергей ничего у меня не спрашивал, а просто ждал момента, когда я напьюсь в стельку и начну изливать свою душу. Но он так и не дождался этого момента. Я оплатил счет, извинился перед ним, что оторвал от дел, и, позвонив своей сестре, приехал к ней. Думаю, она поняла уже по телефону, что

случилось. Она знала, что я так и не прекратил встречаться с Леной, хоть я ей до сих пор так и не сказал, кто она такая.

— Эх, Саша. Надеюсь, ты ничего не натворил?

Я все ей рассказал. Ну, почти все. То, что Лена уезжает, то, что теперь я ее не увижу, и то, что я безумно ее люблю. То, что я узнал о переезде от ее мужа, сестре знать было не обязательно.

— Нет, я даже не говорил с ней об этом, я просто ушел когда узнал.

Мне хотелось, чтобы сестра на меня накричала, чтобы сказала, что она предупреждала меня, что я дурак, и сам сделал это с собой. Но нет, она выбрала другой путь, более разумный.

— Значит, все не так плохо. Теперь, вы должны поговорить. Не закрывайся в себе, так будет только хуже. Если она ничего не сказала тебе раньше, значит, она тоже тебя любит. Она не знала, как это сказать, чтобы не причинить тебе боль. Поверь, ей сейчас так же плохо, как и тебе, возможно даже хуже. Вы должны сесть и все обсудить, только не сейчас, — она пристально на меня посмотрела. — Если ты вздумаешь ломиться в ее дверь, то сделаешь только хуже. Протрезвей, приведи свои мысли в порядок, и только потом иди к ней. Не вздумай устраивать истерики, а просто сядьте, и спокойно все обсудите. Думаю, она все тебе расскажет. Почему не рассказала тебе раньше, и что ей сейчас тоже не легче. А сейчас, иди проспись. В таком состояние я тебя никуда не пущу! Сиди тут, а я пойду, разберу тебе диван. Моя сестра — умная девушка, но в очередной раз, я ее не послушал.

...

Три дня подряд я не брал трубку и не открывал дверь. Лена хотела со мной поговорить, но я ее игнорировал. Едва я видел ее в дверной глазок или же видел ее имя в своем телефоне, меня одолевала неконтролируемая злость. Я был в ярости, что она со мной так поступила, и мне не хотелось ее видеть. На четвертый день я все же открыл дверь. Нет, я не успокоился. Моя чаша злобы переполнилась настолько, что мне было необходимо как-то ее выплеснуть, и мой раздражитель был идеальным вариантом.

— Можно мне войти? — Лена переминалась с ноги на ногу, виновато опустив свой взгляд.

Я не сказал ни слова, и пригласил ее в квартиру жестом руки. Лена вздрогнула, когда входная дверь с силой захлопнулась за ее спиной.

— Чую? — я буквально выплюнул это слово, пропитав его ненавистью.

— Нет, спасибо, — Лена говорила очень тихо, я едва ее слышал.

— Ой, да ладно! Не чужие люди, мы ведь можем попить чайку? — я потопал на кухню.

Лена зашла следом за мной. Она стояла в проходе, не зная, стоит ли ей присесть.

— Саш, я...

— Чего? Не хочешь? Так не пей. Ты ведь и сама прекрасно принимаешь решения. Что тебе мнение других, ты ведь все делаешь по-своему! — на маленькой кухне можно было оглохнуть от моего голоса.

— Саш...

— Что, «Саш»? Что? Ты не могла сказать мне этого раньше? Правильно, а зачем?! Разве мне это нужно знать?

— Не кричи, пожалуйста.

— Почему? Боишься, что нас кто-нибудь услышит? Мы три гребаных года провели в тишине. Все время что-то скрываем, ото всех, друг от друга. Я вот от тебя тоже кое-что скрыл. Знаешь что? Ничего!

— Саш...

— Да что? Я тебя слушаю! Весь во внимании. Что ты хотела сказать?

Лена молчала.

— Нечего сказать, да? Ты тогда молчала, и сейчас молчишь, наверное, тебе просто наплевать на меня.

Я сразу же пожалел, что сказал это. Даже в таком состоянии, когда меня захлестнула ярость, я понимал, что это не правда. Мы никогда не признавались в любви, но мы любили друг друга. Мне показалось, что Лена сейчас заплачет. Мой гнев сразу же стих. Я понял, какую боль мог ей причинить своими словами и ужасно сожалел, что сказал это.

Мы стояли и смотрели друг на другу. Я могу поклясться, что слышал свое сердцебиение в этой внезапно нахлынувшей тишине. Всего секунда и глаза Лены вспыхнули. Моя злость ушла, но она осталась на этой кухне, захватив другого человека.

— Наплевать? Да пошел ты! — кухня вновь наполнилась криком. — Ты хоть представляешь, чего мне это стоило? Ты знаешь, какого это смотреть в глаза холодному человеку и понимать, что всего в паре метров есть тот, с кем ты никогда не будешь? Знать, что ничего нельзя изменить, и каждая минута в холодной постели причиняет тебе боль?

— Так что тебе мешало все изменить?

И что это на меня нашло? Та капля гнева, которая заблудилась в моем сознании, была наполнена такой силой, что я не смог ее контролировать. Я думал, что остыл, но оказалось, это было не так.

— Что? Ты еще спрашиваешь у меня «что»? — глаза Лена стали красными. — А то, безразличный ты мой, что я не могу предать этих людей. Как я смогу объяснить детям, что хочу развестись с их отцом? Как я объясню родственникам, что семья, которую они считают идеальной, совсем не такая? Как я объясню мужу, который всю свою жизнь старается ради блага меня и детей, что я от него ухожу?

Вновь оглушающая тишина. Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

— Прости, — я взглянул ей в глаза.

Лена села на стул, стоящий у стола, и я тихонько подошел к ней. Весь гнев, наполнявший нас мгновение назад, покинул мою кухню, не оставив после себя даже следа. Я опустился на одно колено и взял ее за руку.

— Прости. Я знаю, тебе тоже тяжело. Я... извини, я не должен был кричать.

— Сама хороша, надо было все тебе рассказать, а я... — Лена поправила свои спадающие волосы.

Мы вновь замолчали. А что здесь можно сказать? Все уже сказано, ничего уже не изменить.

— Чай то будешь?

Лена удивленно посмотрела мне в глаза, а потом засияла искренним, но немногого истеричным смехом.

...

Если уж три года пролетели как один день, то месяц стал минутами. Мы с Леной попытались забыть о предстоящей разлуке, и выжали из этого времени максимум. Лена уволилась с работы, а я поговорил с шефом, и попросил месячный отпуск без содержания. Я все свое время проводил у Лены, и мы потерялись друг в друге. На выходных пришлось вернуться в свою квартиру, а когда Виктор уволился и начал перевозить вещи, Лена все время находила неотложные дела, чтобы не ехать в новый дом.

Порой, мы несколько часов подряд лежали в постели и просто смотрели друг на друга.

Бывают моменты, когда слова могут все испортить, и лучше подарить это время тишине. Лена осторожно проводила ноготками по моей груди, а я поправлял ее волосы ей за ушко и замирал ладошкой на ее щеке. Едва я касался ее лица, Лена улыбалась, искренне и немножко грустно.

И вот, время прошло. Виктор перевез все вещи, и настал тот день, когда Лена должна была впервые переночевать в новом доме и оставаться там навсегда. Виктор, словно зная про наши отношения, ночевал в новом доме почти с первого дня перевозки вещей, позволяя нам с Леной оставаться наедине.

— Через пару дней должны вселиться новые жильцы, они сегодня приезжали за ключами, — Лена забежала в мою квартиру всего на минуту. — Витя ждет в машине, наверное, мне пора. Я смотрел ей в глаза и молчал. Как же мне хотелось сказать эти заветные слова, но я знал, они все испортят.

— Я буду скучать.

— Я тоже, — Лена кивнула и шмыгнула носом.

Длинные и густые черные пряди, отдающие синевой, выразительный взгляд, чарующая улыбка, и привкус вишни — я ее никогда не забуду.

Я обнял ее в последний раз, и ласточка навсегда покинула мою жизнь, оставив бельевую веревку пустой.